

УДК 81
ББК 81.2

М. А. Глушко

ПРОБЛЕМА ОПИСАНИЯ КАЧЕСТВ РЕЧИ: ЛОГИЧНОСТЬ

Статья посвящена выявлению составляющих понятия «логичность» и описанию места логичности в системе других качеств речи. В данной работе выдвигается идея применения фрактальных веерных матриц для анализа. Данный метод позволяет выделить 4 основополагающих качества речи (красота, чистота, точность, уместность) и дать им универсальную характеристику. Основной интерес автора направлен на изучение элемента «точность», который раскладывается на четыре категории (точность, доказательность, непротиворечивость, последовательность), каждая из которых соотносится с понятием «логичность».

Ключевые слова: коммуникативные качества речи, ясность, чистота, точность, уместность, логичность, доказательность, непротиворечивость, последовательность.

Глушко Мария Александровна – аспирант кафедры русского языка факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 8-908-510-71-35

E-mail: masha-glushko@yandex.ru

© Глушко М.А., 2013.

Настоящая статья посвящена описанию места логичности в системе других качеств речи и выявлению, также в системе, составляющих понятия «логичность». Мы подчеркиваем слово «система» по следующим соображениям.

Качества речи изучаются со времен Аристотеля и Теофраста [Меликова-Толстая] до наших дней. В отечественной литературе после обобщающей работы Б.Н. Головина [Головин] вопрос о качествах речи регулярно рассматривается в курсах культуры речи [Васильева; Виноградов; Винокур; Костомаров], стилистики [Виноградов, 1981б; Кожина, 2000, Кожина, 1977] и риторики [Александров; Аннушкин, 1996; 2002, 2006, 2007; Волков, 1996, 2001]. Новое в нашем подходе состоит в интерпретации качеств речи как системы взаимно обусловленных единиц. Рассмотрение языка как системы после Ф. де Соссюра стало общим местом, вопрос о системности речи упирается в экстралингвистику, а точнее в прагматику речи. Применительно к качествам речи он означает не просто классификацию, в основу которой положены более или менее убедительно выделенные те или иные признаки. Он предполагает называние таких качеств, которые релевантны для функционирования речи и взаимодействие которых может как обеспечивать ее эффективность, так и снижать ее, создавать дисфункцию. Иными совами, системность понимается нами в кибернетическом смысле. Ближайший аналог – экологиче-

ские системы, в которых развитие одного вида обусловлено развитием другого.

Для описания качеств речи мы выбираем веерную матрицу, каждый элемент которой может быть, в свою очередь, развернут в матрицу на основании тех же признаков, что лежат в основе первичной матрицы. Матрица, таким образом, обладает признаком фрактальности: ее части подобны целому. Такие матрицы хорошо зарекомендовали себя при описании гуманитарных объектов [Кордонский]. В качестве исходной мы выбираем матрицу из четырех элементов, в основе которой лежат два дифференциальных признака. Затем каждый элемент раскрывается в поле тех же признаков на матрицу из четырех элементов.

В основе нашей матрицы лежит противопоставление ближней и дальней прагматики и собственно речевых характеристик – характеристик, затрагивающих референциональную сторону речи.

Под ближней прагматикой говорящих мы понимаем те их цели, которые целиком связаны со «здесь и сейчас» данного речевого акта, под дальней – цели, связанные с достижением общего коммуникативного блага за пределами акта [Хазагеров, 2001 (<http>); 2009]. К последней, например, относятся усилия по поддержанию языковой нормы, по упорядочению коммуникативного пространства, достижению дискурсивного комфорта. Противопоставление прагматик является системообразующим. Усиливая ближнюю прагматику, можно вторгнуться в зону дальней. Например, успешная реклама может в то же время распатывать языковую норму (реклама Русь-Банка: «...*Это хрустит капуста. Она хрустит прямо в ваших руках. Торопитесь, потому что сейчас сезон капусты. Русь-банк идет навстречу заготовщикам капусты...*»). Или рекламная акция Империаля «Елена-Холдинг»: «*В Империял “Елена-Холдинг” начался сезон баблаков. Раздача денег в подарок*»). Преувеличенная забота о дальней прагматике может затруднять обычный речевой акт, как при навязывании языку слишком строгих правил. Хорошим примером служит ситуация с теорией трех стилей, сложившаяся к началу девятнадцатого века. Гармонизацией ближней и дальней прагматики была озабочена классическая риторика, которая своими списками фигур и тропов одновременно рекомендовала средства речевого воздействия (ближняя прагматика) и культивировала правильную и красивую речь (дальняя прагматика).

Противопоставление собственно речевого и референтного также существенно. Оно поддерживает баланс между планами содержания и выражения. Пустословие – предельный случай господства чисто речевых характеристик над содержательными (В. С. Черномырдин: «*Его реакция, она всегда, увидим, будет этот или не будет. Если не будет – значит, такая реакция. Если будет – то никакая реакция*»; «*Зюганов, выступая где-то в воскресенье на каком-то собрании или совещании, он же допустил недопустимое*» [Черномырдин, <http>]). Довольно часто используется такой рекламный ход: «*Наш продукт получил множество наград на международных выставках в ряде стран*», что, по сути, не

несет никакой полезной информации для потребителя). Перегруженность содержанием в ущерб коммуникативных целей – другой предельный случай (так, высказывание «лошадь пьет из ведра» может быть представлено следующим образом: представитель распространенного в большинстве географических зон земного шара семейства непарнокопытных осуществляет процесс удовлетворения органической потребности в воде методом всасывания влаги из сосуда, имеющего диаметр не меньший, чем окружность морды лошади. Для поэтической же речи отсутствие информативности, разумеется, не только допустимо, но порой является самой целью:

*Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут...
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут...).*

В исходную матрицу мы помещаем четыре качества речи, выделенные Теофрастом, толкуя их описанным выше образом.

<i>Красота</i>	<i>Ясность</i>
<i>Чистота</i>	<i>Уместность</i>

Левая колонка обслуживает зону дальней прагматики, правая – ближней. Усиление таких качеств, как *чистота* и *красота*, заставляет речь работать на окультуривание коммуникативного пространства, однако за известным пределом это может вредить обычной коммуникации. Усиление же *ясности* и *уместности* хорошо работает на «здесь и сейчас», но в пределе ухудшает коммуникативное пространство, ведет к варваризации речи. Примером последней как раз и служит агрессивная реклама, вполне отвечающая языковым запросам потребителя, доходчивая (*ясность*) и уместная, но отрицательно влияющая на экологию языка (*норму, чистоту, тем более красоту речи*). С другой стороны, далекая от жизни «салонная» речь в начале девятнадцатого века не отвечала запросам даже изящной словесности.

Нижняя строка матрицы замыкается на чисто речевых проблемах: *чистота* и *уместность*. Верхняя – невозможна без учета самих референтов. Так, чистота речи имеет своим содержанием саму речь, красота же зиждется на внешних для речи категориях. Ясность также связана, прежде всего, с экстралингвистическими категориями, что будет подробнее показано ниже. Усиление чистоты и уместности – несомненно, идеал культуры речи (*чистота*) и функциональной стилистики (*уместность*). Но за определенной гранью они ведут к бессодержательности, как это бывает с ритуализированными формами общения, в иных случаях явно избыточными. Например, церемонность, перегруженность этикетом. Однако ослабление чистоты и уместности за счет «верхних» качеств делает речь избыточно экспрессивной и мало предсказуемой. Такая речь, например, была программой для тех течений в искусстве, которые провозглашали слияние искусства и жизни.

Диагональ «Ясность – Чистота» обслуживают «простые» стили, не требующие специальной обработки (в системе четырех стилей это «мощный» и «простой» [Лосев]). В пределе это дает «сухой» стиль античной риторики [Кузнецова, Стрельникова].

Диагональ «Красота – Уместность» обслуживает «сложные» стили («возвышенный» и «изящный»). В пределе это дает манерность.

В целом, однако, системный характер качеств речи проявляется при развертывании элементов матрицы по тем же признакам. В центре нашего внимания лежит ясность речи, составляющие которой связаны с различными проявлениями логичности речи. Но бегло остановимся и на других качествах.

Чистота речи, безусловно, должна корреспондировать с правильностью, с которой ее часто отождествляют. Но если держаться выбранного нами принципа, то она раскладывается на следующие четыре качества.

<i>Приличие</i>	<i>Плавность</i>
<i>Правильность</i>	<i>Гладкость</i>

С дальнейшей прагматикой связаны *приличие* (свобода от непристойных, не допустимых в обществе выражений) и *правильность*. С «приличием» и «пристойностью» декорум-риторик, например риторики Прокоповича или Ломоносова, выделенное нами «приличие» по объему не совпадает. Приличие и правильность – это те качества, которые максимально и самым непосредственным образом культивируют пространство общения. Правильность целиком принадлежит речи. Приличие зависит от экстралингвистических факторов.

С ближней прагматикой связаны вторые два качества: *плавность* (свобода от слов-паразитов, заминок, обеспечивающая плавное течение речи) и *гладкость* (стилевое единство речи, отсутствие стиливых перебоев, делающее речь гладкой). Последнее качество сугубо речевое, второе следует рассматривать, как референтно соотнесенное. Сюда будет входить и регламентация паралингвистических средств, и свобода от избыточной жестикуляции.

Красота раскладывается на четыре качества, два из которых назывались еще античными авторами.

<i>Возвышенность</i>	<i>Сладость</i>
<i>Богатство</i>	<i>Симметрия</i>

Античные авторы, в частности Цицерон, выделяли *возвышенность* и *сладость*. Оба качества не могут быть сведены к речи как таковой и предполагают наличие возвышенного и сладостного в самой действительности.

Богатство – качество, принадлежащее самой речи, иногда выделяемое как самостоятельное [Введенская, Павлова, Кашаева, с. 307; Головин, с. 156; Шаврина, с. 24]. Оно, безусловно, связано с дальнейшей прагматикой. Мы легко различаем богатые и бедные дискурсы. Если говорить об обыденной речи, то богатство ее есть признак образованности говорящих, и уж, во всяком случае, качество, которое следует культивировать.

ности отображения действительности в речи. *Точность предметная* часто пересекается и сочетается с *точностью понятийной*, так как каждое явление, каждый предмет являются частью какой-то определенной системы, занимают какое-то место в структурной иерархии понятий, явлений, фактов. Понятийная точность возможна только на основе соблюдения логических законов. Ошибки, связанные с нарушением требования точности: неверное употребление синонимов, паронимов, смешение родовых и видовых понятий, недостаточная полнота и ясность мысли (туманные, бессмысленные высказывания с нулевой эффективностью), неумелое употребление заимствованных слов (незнание значения, коннотаций, а также те слова, которые мы называем «ложными друзьями переводчика») и, конечно же, несоблюдение законов логики.

В нашей интерпретации соблюдение точности речи – качество, востребованное дальней прагматикой. Соблюдение точности обеспечивает дискурсивный комфорт, как, например, в научном дискурсе, где этому уделяется особое внимание. Частые нарушения точности портят дискурс, создают среду, неудобную для общения. Это видно, например, когда говорящие путают паронимы. На достижение точности была направлена забота французских синонимистов [Ору] и их последователей. Именно она была предметом государственной заботы в эпоху издания первого академического словаря. Эти факты свидетельствуют в пользу отнесения ее к зоне дальней прагматики. Точность при этом заведомо связана с миром референтов и не может быть сведена к речи как таковой.

Непротиворечивость достигается путем соблюдения логических законов мышления, правил деления и определения понятий. Наиболее простые и необходимые связи между мыслями выражаются формально-логическими законами тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания. Это также явление дальней прагматики. Вся математическая культура зиждется на развитии такого качества, как умение вести непротиворечивые рассуждения. Однако в отличие от точности это качество замкнуто в самой речи, в случае математики – в формальных языках. Непротиворечивость относят к одной из сторон логичности речи [Валгина, с. 58].

Доказательность не может быть сведена к *непротиворечивости*. Рассуждение может быть непротиворечивым, но не доказательным. Более того, доказательная речь может содержать логические изъяны. Таковы неверные, но убедительные (способные убеждать многих) доказательства, например софизмы. К тому же доказательность – явление ближней прагматики, востребованное только в пределах данного речевого акта, когда надо нечто доказать. Непротиворечивость же существует априори как полезное качество речи, которое можно и нужно специально культивировать.

Традиционно доказательность понимается следующим образом. Есть положения или факты, истинность которых усматривается непосредственно, и есть положения или факты, истинность которых

усматривается посредственно, именно через посредство других положений или фактов. Непосредственное знание – то, которое не нуждается в доказательстве. Опосредованное знание доказывается, делается убедительным, очевидным при помощи знаний непосредственных. Этот последний процесс называется доказательством. Сюда относятся как логические силлогизмы, так и силлогизмы риторические, эпихейремы. Доказательство заключается в том, что положения неочевидные сводятся к положениям или фактам непосредственно очевидным или вообще очевидным. Конечно, и доказательности можно учить, но ее связь с ближней прагматикой проявляется в том, что задача доказать что-то еще не есть задача доказать нечто истинное или даже правдоподобное. Доказательность включает манипулятивные технологии и логические уловки.

Последовательность достигается путем выбора «кратчайшего пути», т. е. коммуникативный эффект достигается благодаря минимальному количеству языковых средств, можно сказать, что в этом качестве выражен коэффициент полезного действия высказывания и текста в целом. Речь может не быть доказательной, но последовательной: оратор сделал все, чтобы доказать свой тезис, но факты и логика были против него. С другой стороны, доказательная речь может быть не последовательной: мысль оратора петляла, возможно, даже он рассуждал в пользу своего оппонента.

Последовательность обычно не включают в логичность речи и вообще не рассматривают как полезное коммуникативное качество. Однако последовательность – важнейшая составляющая ближней прагматики в самых разных видах дискурса. Это качество, замкнутое в речи. Пожалуй, ни в одном другом качестве, кроме только правильности, это не достигает такой степени самоочевидности.

Точность и непротиворечивость речи, будучи типичными качествами дальней прагматики, создают дискурсивный комфорт. Однако при избыточном усилении этих качеств за счет *доказательности* и *последовательности* речь становится банальной, резонерской: «*Волга впадает в Каспийское море, а лошади едят овес и сено*». Одной из опасностей для развития научного дискурса является так называемая наукообразность, которая и состоит в повышенной точности и скрупулезной непротиворечивости при описании тривиальных вещей. С другой стороны, последовательность и доказательность в отсутствии непротиворечивости дают софизм, логическую уловку.

Непротиворечивость и последовательность – чисто коммуникативные качества. Именно им надо обучать в ходе коммуникативных тренингов. Но будучи избыточными они могут не добрать аргументации, фактов в особенности. Точность же и доказательность, напротив, обращены к внешней действительности. Однако сами по себе они не способны обеспечить ясность.

Непротиворечивость и доказательность поддерживают сухой, «тематический» стиль изложения. Точность и последовательность под-

держивают стиль изящный, «пушкинский». Сам Пушкин считал точность и краткость лучшими достоинствами прозы, но краткость в его случае означала именно последовательность – стремление к выводу кратчайшим путем [Пушкин]. Что касается лапидарности как таковой, то она не попала в наши первые два уровня развертывания качеств речи, хотя ее часто называют наряду с основными [Головин, с. 55]. На наш взгляд, лапидарность, как и многословие, пышность, плетение словес относятся к области красоты речи, так как являются эстетически поставленными целями (за вычетом понимания краткости как последовательности). Возможно, краткость и многословие можно получить, развертывая «сладостность», так как оба качества за вычетом последовательности могут быть рассмотрены как способы сделать речь приятной. Своеобразная красота открывается и в лапидарном (сентенциальном) стиле, и в периодическом, избыточном плеоназмами, что было замечено еще в древности. Во всех случаях надо отличать краткость как последовательность от краткости как эстетической категории.

Функционирование эффективной речи предполагает гармоничное сочетание четырех теофрастовых качеств, а внутри каждого – четырех его сторон.

Усилия культуры речи и стилистики должны быть направлены на развитие качеств, помещенных в левые столбцы: красоты и чистоты, а внутри них – возвышенности, богатства, правильности и приличию. А также на левые столбцы других качеств – жанровому и предметному соответствию, точности и непротиворечивости речи. Правые столбцы – предмет риторики и прагматингвистики. Это ясность и уместность и такие их свойства, как доказательность и последовательность, соответствие ролевым отношениям и аудитории. В заботы риторики также входят свойства, обозначенные в первых столбцах других качеств.

Литература

- Александров Д.Н.* Риторика. М., 1999.
- Аннушкин В.И.* История русской риторики: хрестоматия: 2-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Аннушкин В.И.* Первая русская «Риторика» XVII века: 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
- Аннушкин В.И.* Риторика: вводный курс: 2-е изд., М., 2007.
- Аннушкин В.И.* История русской риторики в свете русской истории // XXI век. Литературно-публицистический журнал Союза писателей России. 1996. № 4.
- Аристотель.* Риторика // Античные риторики / под ред. А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
- Береговская Э. М.* Очерки по экспрессивному синтаксису. М., 2004.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М., 2003.
- Васильева А.Н.* Основы культуры речи. М., 1990.
- Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.* Русский язык и культура речи. Ростов н/Д., 2006.
- Виноградов В.В.* Проблемы культуры речи и некоторые вопросы русского языкознания // Проблемы русской стилистики. М., 1981.

- Виноградов В.В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Проблемы русской стилистики. М., 1981.
- Винокур Г.О.* Культура языка. М., 1929.
- Волков А.А.* Курс русской риторики. М., 2001.
- Волков А.А.* Основы русской риторики. М., 1996.
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1988.
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. М., 1976.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса / Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т. М., 1992.
- Кожина М.Н.* Предмет риторики в парадигме речеведческих дисциплин (взгляд со стороны стилистики) // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2000.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1977
- Кордонский С.Г.* Веерные матрицы как инструмент построения онтологий. Вашингтон, Юго-Восток, 2011.
- Костомаров В.Г.* Проблемы культуры речи // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
- Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в древнем Риме, М., 2006.
- Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М., 1977.
- Меликова-Толстая С.В.* Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля / под общ. ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936.
- Миллер Т. Б.* От поэзии к прозе (риторическая проза Горгия и Исократ). // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М., 1991.
- Ожегов С.И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
- Ору С.* Д'Аламбер и синонимисты // *Сильвен Ору.* История. Эпистемология. Язык. М., 2000. 408 с.
- Пушкин А. С.* О русской прозе. [Электронный ресурс] URL: <http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/02misc/0986.htm> (дата обращения: 12 июня 2013).
- Розенталь Д.Э.* Культура речи. М., 1964.
- Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 1977.
- Русский язык: энциклопедия: 2-е изд., испр. и перераб. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной: 2-е изд., испр. и доп. М., 2006.
- Хаззагеров Г.Г.* Жрецы, рыцари и слуги // Знание – сила. 2001. № 12.
- Хаззагеров Г.Г.* Риторический словарь. М., 2009.
- Хаззагерова С., Хаззагеров Г.Г.* Одичание ритуала. [Электронный ресурс] URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/7/ha12.html> (дата обращения: 3 августа 2013).
- Черномырдин В. С.* Цитаты. [Электронный ресурс] URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/1138198/viktor_chernomyrdin_citaty (дата обращения: 26 мая 2013).
- Шаврина О. Г.* Культура речи. Часть третья. Коммуникативные качества речи. Курган, 2008.
- Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm> (дата обращения: 30 июня 2013).